

СОЦИОЛОГИЯ ПРОФЕССИЙ

МЕДИЙНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ РОССИЙСКИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДИНАСТИЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН (1990–2002)

Ксения Олеговна Черняева^{ab}

Татьяна Ивановна Черняева^b (tatcher@yandex.ru)

Наталья Викторовна Сорокина^c

^a Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

^b Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина —
филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, Россия

^c Саратовский государственный технический университет
им. Ю.А. Гагарина, Саратов, Россия

Цитирование: Черняева К.О., Черняева Т.И., Сорокина Н.В. (2021) Медийное конструирование российских профессиональных династий и профессиональных групп в эпоху перемен (1990–2002). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 24(4): 162–195. <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.4.7>

Аннотация. Статья посвящена исследованию профессиональных династий и профессиональных групп в рамках социологической реконструкции медийных дискурсов. Она представляет собой вторую часть цикла работ, посвященных исследованию профессиональных династий и их представленности в медийном пространстве. В предыдущих статьях раскрываются смыслы и способы конструирования династийности в официальной прессе с 1960–1980-х годов. Пресса, прославляющая человека труда, не оставляла без внимания трудовые династии как темы, позволяющие сформировать ценности преемственности и идеологической оправданности семейного труда. Статья фокусирует внимание на переменах, которые происходят в пространстве профессий в 1990-е годы в общем контексте социальных трансформаций. Эмпирическую базу составляют результаты дискурс-анализа публикаций центральных печатных изданий «Правда», «Известия» с 1990 по 2002 г. Медийные дискурсы способствуют закреплению новых профессиональных групп, востребованных эпохой бизнесменов, коммерсантов, предпринимателей, транслируя значимость их деятельности в разрезе успеха и экономической рентабельности. Легитимация медиадискурса осуществляется в трех основных стратегиях: использование доказательной базы социологических опросов, обращение к нарративам человека труда, репрезентация жизненных фактов и событий. Из дискурсивного поля вытесняются прежде популярные, но утратившие ценность в условиях рыночной экономики династии рабочих и интеллигенции. Закладываются компоненты новой социальной идентичности. Активно

продвигаются стратегии быстрого обогащения и рискованного предпринимательства, гибкой смены профессиональных ориентиров, умелого маневрирования в поле бизнеса между условиями рынка, свободной конкуренции и опекой рэкета.

Ключевые слова: профессиональная группа, династия, медийный дискурс, легитимация дискурса, доминирующий дискурс, периферийный дискурс, границы дискурса.

Введение

Работа посвящена исследованию профессиональных династий и профессиональных групп в медиапространстве последнего десятилетия XX в. и начала века нынешнего. С одной стороны, трудовые пути и стратегии накопления профессионального, социального, финансового капиталов, представляемые на страницах прессы, являются одной из составляющих памяти о прошлом, которая «в качестве культурно-отработанного продукта, закладывается в представление о «должном» характере социального действия» (Рождественская 2019: 56), обеспечивая социальную идентификацию, конструируя социокультурные значения и задавая рамку социальных отношений. С другой стороны, выбранный период предстает как время существенных изменений социального хронотопа, тектонических сдвигов социального пространства, смысловых контаминаций и культурных сепараций.

Девяностые годы по-разному номинируются в научных исследованиях, и само обозначение служит особым средством воздействия, своеобразной моделью интерпретации (Шестак 2014: 275). Наиболее распространенные конструкты, появившиеся в эти годы, — переходный период (Клейнер, Макаров 1996; Переходный период 2002; Экономика переходного периода 2003), транзит (Витманас 2001; Зудин 2002), эпоха перемен (Степин 1996; Прохоров 2001; Никонов 1999), перестройка (Казначеев 2001; Наумова 2001), трансформация (Заславская 1995; Голенкова 1995; 2001; Беляева 1996; Олейник 1995; Силласте 1994), постперестройка (Тамаш 2005; Симонян 2012), постсоциализм (Салменниemi 2009; Борелли, Маттиоли 2013), «лихие девяностые» (Клисторин 2014; Симонян 2011; Генералова 2019).

Словосочетание *переходный период* было наиболее употребительным в официальной риторике. При этом иногда указывалось направление вектора перехода — к рынку, а иногда нет. Сама конструкция перехода означает внепространственность и вневременность — лиминальность, где по умолчанию могут работать и прежние, и новые идеи, нормы и стандарты. То же относится и к использованию конструкции *транзит* во всех

вариациях. Примерно такое же значение имеют сочетания *эпоха перемен, период кардинальных перемен*, но, в отличие от *перехода*, фиксирующего процесс, в *перемене* акцентируется идея смены, замены одного порядка на другой — и в этом плане близким по смыслу является обозначение периода как *трансформации*. Трансформация содержит моменты смены существующих форм и прежде всего, в терминах Г. Зиммеля, социальных форм жизни (Зиммель 1996).

Сходным с трансформацией по значению представляется и концепт *перестройки*, однако в последнем в большей степени выражен аспект действия, а не конечного результата, как в трансформации. Постперестройка и постсоциализм, в свою очередь, фиксируют внимание на сепарации от прошлого, предполагая окончание одного периода и начало нового.

Эмоционально окрашенная номинация *лихие девяностые* появляется значительно позднее — после 2010 г., но становится популярной с 2015 по 2020 г. На портале e-library размещено 32 публикации, посвященные «лихим девяностым». Интересные заметки по поводу эпитета *лихой* делает Е. Генералова, отмечая его амбивалентность: причиняющий вред, тяжелый, трудный, в то же время смелый, быстрый, ловкий. Автор считает, что использование сочетания *лихие девяностые* как намекает на романтичность, так и является проявлением иронического отношения к этому времени (Генералова 2019).

Наша работа контекстуально близка пониманию 1990-х годов как постперестроечных и постсоциалистических, в которых перестают работать прежние установки и ценностные ориентиры, меняется сам характер дискурсивных практик.

Цель нашего исследования состоит в социологической реконструкции медийных дискурсов относительно профессиональных династий и профессиональных групп в России 1990–2002 гг. В его задачи входит анализ специфики конструирования новой реальности и репрезентаций трансформации поля профессий в центральной российской прессе. Эмпирическую базу составили результаты дискурс-анализа публикаций газет «Правда», «Известия» 1990–2002 гг., хранящихся в электронной базе данных периодических изданий Integrum.

Отправные точки методологии

Сбор и анализ данных осуществлялся в логике стратегий количественных и качественных исследований с использованием инструментов контент-анализа и дискурс-анализа. Контент-анализ позволил оценить количественную представленность публикаций, в которых затрагивалась

проблематика профессиональных групп и профессиональных династий, показать, как менялось поле профессий в изучаемый период. Дискурс-анализ дал возможность определить порядок медиадискурса, уточнить его смысловые единицы и содержательные компоненты.

Дискурс представляет собой и способ говорения/рассуждения, и способ репрезентации, и способ конструирования социальных смыслов. Среди его характеристик выделяют текстуальность, прагматичность и социолингвистическую обусловленность (Родина 2018: 103). Дискурс — это особая речевая практика, включающая в себя проекции идеологических, политических, экономических, профессиональных и иных социальных практик. Взаимообусловленность, диалектическая взаимосвязь общества и дискурса подчеркивается многими авторами (Фуко 1996; Фэрклоу 2013; Ван Дейк 2013). Согласимся с М. Пешё в том, что дискурс не только поддерживает отношения производства, но и активно генерирует социальные смыслы (Родина 2018: 106).

Роль субъекта при этом остается лишь репрезентативной, транслирующей то, что задается идеологией (Кожемякин 2013: 15). Субъект является необходимым условием реализации дискурса, он подчинен ему, но может и не осознавать этой зависимости. Имея дело с публикациями в прессе, мы сознательно не выделяем автора, понимая его как деперсонифицированную функцию внутреннего контроля дискурса. В логике М. Фуко «в порядок дискурса никогда не вступит тот, кто не удовлетворяет определенным требованиям или же с самого начала не имеет на это права» (Фуко 2007).

Особый тип дискурса представляет медиадискурс, который не только производит определенные знания, образы и систему оценочных категорий, но и создает представления о способах трансляции знания. По мнению Е. Кожемякина, медиадискурс опосредует конвертацию информации в смыслы (конструирование знания), перевод информации с институционального уровня на обыденный и обратно, сращение информации различного типа (политической и развлекательной, событийной и рекламной), а также производство специфического знания, порождаемого медийной средой. Дискурс-анализ медийных сообщений позволяет нам описать и понять процессы создания, обмена и дифференциации смыслов в пространстве массовой коммуникации (Кожемякин 2013).

Для нас важно подчеркнуть, что медиадискурс, равно как и другие дискурсы, раскрывается как особая практика упорядочивания реальности, механизм, формирующий картину мира (Фуко 2007). Таким образом в дискурсе заложена власть, определяющая иерархию и границы социальных субъектов, процессов, явлений и наделяющая статусом истинных (ложных)

и нормативных (аномальных) всё, что происходит в социальных системах. Вместе с тем соотношение разных дискурсов и их властная сила, способность доминировать над другими меняется в ходе социально-исторических процессов (Фуко 2006) Понимание властной природы дискурса определило выбор критического дискурс-анализа как ведущего инструмента исследования.

Понятие дискурса неразрывно связано с использованием концептов. Их производство и воспроизводство, актуализация и разрушение осуществляется в ходе дискурса и дискурсивной практики (Абдраимов 2007: 207). Именно поэтому на первом этапе в наши задачи входило вычленение концептов, ассоциированных с династиями.

Анализ смыслообразующих дискурсов проводился в соответствии с идеями Н. Фэрклоу (Fairclough 1995) и Р. Водак (Тичер и др. 2009), Н. Веселковой, М. Вандышева, Е. Прямиковой (Веселкова и др. 2016: 115). Нами предложена схема анализа порядка медиадискурса о профессиональных группах и профессиональных династиях, включающая следующие составляющие:

- социальный контекст и медиадискурс как общий дискурс публикаций;
- доминирующий дискурс / смыслообразующее утверждение, задающее общую направленность восприятия и эмоциональных отношений к профессиональным династиям; процедуры контроля и легитимации;
- концепты, описывающие династические, семейные связи;
- концептуальная дифференциация социокультурного поля профессиональных династий и его дискурсивные рамки;
- частные, периферийные дискурсы;
- базовые оппозиции предикативных элементов, раскрывающие соотношения частных дискурсов.

Медиадискурс перемен

В новых условиях 1990-х медийные дискурсы оформлялись в трендах демократических свобод и гражданской инициативы (Rutgeron, Seth 2012), нового формата политики¹, социально-экономического положения населения и новых практик занятости. Подобные переходные процессы довольно хорошо описываются идеей лиминальности В. Тэрнера (Тэрнер 1983; Воробьева 2019), определяемой как стадия разрушения прежних

¹ Особенно в начале 1990-х, когда у населения был всплеск интереса к политическим преобразованиям, за которыми с любопытством наблюдали. В СМИ множество статей посвящено политическим процессам, описанию реформ, популярным политикам эпохи (Ельцин, Гайдар, Зюганов, Жириновский, Явлинский и др.).

норм, потери ориентиров, двойственности, челночных движений между прошлым и будущим. В лиминальном российском пространстве с особой остротой встает вопрос об идентичности (в нашем случае профессиональных групп и профессиональных династий), переопределении их границ.

Именно СМИ устанавливают, по мнению И. Ясавеева, «повестку дня» как формирующее мнение о происходящем, как фильтр, отбирающий значимые сообщения о том, о чем будет думать аудитория после прочтения. Освещаемые события — это те темы, которые вышли победителями из конкурентной борьбы за попадание в публичную повестку дня общественности. Любые информационные поводы для своей жизнеспособности на публичной арене должны отвечать ряду требований: с одной стороны, быть драматичными и зрелищными, привлекая внимание и интерес, а также поддерживающими новизну, с другой — соответствовать интересам власти и господствующих в сфере политики и экономике групп, с третьей — отвечать культурным предпочтениям (Ясавеев 2010: 125–128).

Россия начала 1990-х годов интерпретируется СМИ страной, терзаемой реформами, граждане которой ощущают нестабильность, не доверяют власти, вынуждены искать дополнительный заработок даже при наличии постоянного места работы. Легитимация медиадискурса осуществляется в трех основных стратегиях: использование доказательной базы социологических опросов, обращение к нарративам человека труда, репрезентация жизненных фактов и событий.

Использование доказательной базы социологических опросов

В материалах газет публикуются данные специализированных социологических опросов, а в газете «Правда» организуется собственная социологическая служба. Доминирующий дискурс представлен идеями ухудшения жизни и негативных последствий текущих реформ.

Опрос социологической службы «Правды» (опрошено 350 руководителей предприятий, ведущих специалистов производства из разных регионов страны).

Вопрос: Влияние либерализации цен на условия работы предприятий.

Ответ:

значительно улучшились — 2 %

улучшились — 6 %

не изменились — 14 %

ухудшились — 49 %
значительно ухудшились — 22 %
судить об изменениях еще рано — 6 %
другое — 1 %

Вопрос: Ожидаемые результаты работы предприятий по итогам первого квартала 1992 года

Ответ:

объем производства сократится — 48 %
объем производства не изменится — 36 %
объем производства возрастет — 16 %.

Опрос социологической службы «Правды» («Правда», 05.02.1992).

В том же духе репрезентирует общественное настроение и газета «Известия».

73 % опрошенных тревожит экономическое положение себя и своей семьи; 47 % — безопасность близких; 38 % — политическая ситуация. Работа и профессиональный успех волнуют 23 %, личная жизнь — 15 % опрошенных. Политическая ситуация остается неясной. По мнению 28 % москвичей, Россия движется в сторону демократии, по оценке же 29 % — в сторону авторитарного режима.

У 35 % опрошенных москвичей наступивший год вызывает оптимизм, у 24% — пессимизм, у 25 % — и то, и другое поровну («Известия», 12.01.1993).

Именно в это время социология становится средством общественной рефлексии, инструментом самопознания общества. Социологические исследования проходят этап интенсивной институционализации: за короткое время во многих вузах начинают готовить профессиональных социологов. Профессия социолога как собирателя и интерпретатора массовых мнений укрепляется и в медийном дискурсе. Масштаб и глубина тем, задаваемых опросами, с одной стороны, отражают их востребованность, а с другой — структурируют массовую память, обуславливая направления индивидуальных размышлений и групповых дискурсивных полей. Наиболее значимыми становятся работы Т.И. Заславской и ее коллег, раскрывающие содержание и механизмы трансформации российского общества (Заславская, Рывкина 1991; Заславская 2002; 2004). В отличие от либеральной прессы, «Правда» и «Известия» больше ориентированы не на голос элит, а на истории рядовых граждан — и это становится вторым источником легитимации дискурса.

Обращение к историям и нарративам человека труда

Довольно частой темой становится представление голоса народа, использование материалов встречи и бесед с представителями рабочих профессий, малоимущими, безработными, пенсионерами.

Народ раздели, разули, ограбили. У него украли символы, святыни, историю и даже великий русский язык. Почему в «семь разбойных десятилетий» народ не вымирал? Почему он начал вымирать в счастливые демократические времена? Народ грабит кучка. Народ пока молчит, терпит. Значит, грабеж, называемый реформой, будет продолжаться.

Владимир Рослов. «Только убыль. Ничего больше» (беседы неразговорчивых людей) («Правда», 26.07.1994).

Я обычный налогоплательщик... Я всегда считал себя по достатку на среднем уровне. В результате «реформ» жизненный уровень моей семьи снизился ниже минимального прожиточного. Я потерял все свои сбережения сначала в государственном Сбербанке, потом, как пчелка, заработал было снова, но потерял все в одной из финансовых структур, которую так заботливо защищали от меня государственные органы, пока организаторы не оказались недосягаемыми («Правда», 11.06.1996).

Эти цитаты представляют важный композиционный элемент доминирующего дискурса — несовместимость интересов реформаторов и населения страны, базовую оппозицию предикативных элементов: власть — грабительская, народ — страдающий.

Репрезентация жизненных фактов и событий

Рамку факта задают конкретные цифры, данные, расчеты, графики, работающие на легитимацию доминирующего дискурса.

Больше всего фермеров беспокоит то, что не выполняется соглашение правительства РФ и АККОР о взаимном сотрудничестве и поддержке. Из бюджета в Фонд поддержки «Российский фермер» за 9 мес. выделено менее 15 % от обещанной президентом и ВС суммы. В среднем на одно крестьянское хозяйство пришлось по 230 тыс. рублей льготных кредитов. Фермеры жалуются, что на эти деньги удалось провести лишь полевые работы, а на приобретение техники и начало строи-

тельствства у 100 тыс. начинающих крестьянских хозяйств средств нет. Немало фермерских семей живет в землянках.

В Москве прошел совет АККОР, который обратился с письмом к Б. Ельцину («Известия», 20.10.1992).

В приведенном отрывке обозначена еще одна оппозиция предикативных элементов доминирующего дискурса — расхождение между декларациями власти и реальной ситуацией, невыполнение властью достигнутых соглашений и недоверие населения к правительству.

В структуру доминирующего дискурса постепенно включается идея профессиональной динамики и оперативной адаптации, смены профессиональной деятельности. Мобильность представляется как одна из ключевых ценностей нового времени: если раньше стратегией успеха считалось обучение в среднем, среднем специальном или высшем учебном заведении и работа по специальности до выхода на пенсию (норма стабильного и последовательного формирования профессиональной карьеры), то к 2002 г. продвигается новая социальная норма — быстрого реагирования на стремительно меняющиеся условия (норма профессиональной гибкости, напрямую не связанная с имеющимся образованием и предполагающая быстрое получение необходимых компетенций в режиме профессиональной переподготовки).

Династии и семьи в поле профессий

Поле профессий, располагая определенными ресурсами, культурной программой и социально-коммуникативной системой, определяет порядок взаимодействия субъектов внутри поля (Ильин 2008: 51–56). Профессиональные династии как субъекты занимают определенное место в поле, более того, это место обязательно дискурсивно оформляется. На первом этапе исследования ставилась задача определить число публикаций, ассоциированных с профессиональными династиями и семейными деловыми связями. Единицей анализа выступали публикации (статьи, заметки), в которых встречались ключевые слова: династия, трудовая династия, семья, семейственность, семейный подряд, семейное дело, семейный бизнес, поколение (из поколения в поколение), потомственный, родословная, предки, отец и сын, мать и дочь, отец и дочь, мать и сын. Исследуемый массив в результате составил 15 635 источников.

Отметим, что значительное число публикаций содержит употребление концепта династии в связи с династией Романовых, зарубежными монархическими династиями как в историческом контексте, так и в политическом. Собственно профессиональным семейным объединениям посвящено

Таблица 1

**Общее число публикаций и число релевантных публикаций
по ключевым словам**

Ключевые слова	Издание	Известия 12 255 (2045)	Правда 3830 (386)
Династия		26 (18)	132 (68)
Трудовая династия		7 (6)	2 (2)
Семья		9098 (1686)	2788 (201)
Семейственность		31 (16)	9 (5)
Семейный подряд		14 (11)	6 (4)
Семейное дело		166 (8)	55 (1)
Семейный бизнес		67 (10)	15 (1)
Поколение (из поколения в поколение)		281 (21)	77 (7)
Потомственный (потомок)		158 (59)	44 (30)
Родословная		183 (5)	52 (4)
Предки		798 (65)	266 (28)
Отец и сын		719 (101)	169 (27)
Мать и дочь		203 (21)	49 (3)
Отец и дочь		100 (8)	54 (4)
Мать и сын		404 (10)	112 (1)

не так много материалов, большая часть которых лишь констатирует профессиональную принадлежность семьи и династии. Из таблицы видно, что наиболее употребительным концептом является «семья» (как в «Известиях», так и в «Правде»), однако чаще всего речь идет о принятых законах, постановлениях, социальных гарантиях по защите семей военнослужащих, шахтеров и других незащищенных социальных групп, в частности беженцев. Отметим, что в родительско-детских комбинациях профессиональная принадлежность чаще фиксируется в диаде «отец и сын», чем «мать и дочь». Достаточно редкие упоминания профессиональных связей отца и дочери, матери и сына требуют дополнительных исследований. В задачи второго этапа входил вторичный отбор публикаций, раскрывающих профессиональные семейные связи. В итоге было выделено 2408 публикаций. Результаты представлены в таблице 2. Первое число означает общее число упоминаний, в скобках представлено число релевантных публикаций — тех, в которых генеалогические связи ассоциированы с профессиональными и иными занятиями.

На третьем этапе решались задачи соотнесения релевантных публикаций с профессиональными группами и династиями, а также критического дискурса-анализа отобранных материалов (табл. 2)

Таблица 2

Частота упоминаний профессиональных групп и династий

Профессиональные, социальные группы	Издание	Известия (2045)	Правда (363) (386)
1		2	3
Крестьяне, колхозники, фермеры, сельские династии		839	18
Бизнесмены, предприниматели, кооператоры отечественные/зарубежные		258/61 всего 319	55/16/13 всего 84
Артисты театра и кино / артисты цирка / музыканты и эстрадные исполнители / художники / писатели и журналисты / танцоры, танцовщицы / представители иных творческих профессий		9/51/8/30/12/21/4/19/ всего 154	2/8/6/9/11/1/5 всего 42
Рабочие / шахтеры		61/9 всего 70	19
Моряки, военные, казаки		38	12
Мафия, криминальный семейный бизнес		22	21
Девиантные семейные группы, включая алкоголиков, проституток, нищих		19	3
Спортсмены		12	2
Ученые		8	4
Преподаватели, учителя, педагоги		1	11
Колдуны, шаманы, маги		7	1
Инженеры		7	
Путешественники		7	
Народные промыслы		5	1
Врачи		3	3
Гранильщики алмазов, ювелиры		5	
Купцы		3	2
Юристы		3	
Банкиры		4	
Священники		4	

Окончание таблицы 2

1	2	3
Полярники	4	
Китобои	4	
Охотники	3	1
Дипломаты	2	1
Работники телевидения, радио	1	2
Коневоды, заводчики животных, ветеринары	3	
Боевики		2
Лесники		1
Пожарные		1
Дизайнеры, кутюрье	1	1
Ремесленники / сапожники	1/1	
Архитекторы	1	
Строители	1	
Корабелы		1
Разведчики		1
Пчеловоды		1
Агрономы		1
Летчики	1	

Таблица дает представление об основных элементах и границах дискурса. Границы эти динамичны и подвижны, о чем свидетельствует включение в поле традиционных профессий прежде неведомых профессиональных групп бизнесменов, предпринимателей, кооператоров, фермеров, как отечественных, так и зарубежных. Отметим, что освещение международного бизнес-опыта ведется в дискурсе эталонных практик. В отношении отечественных предпринимателей мы фиксируем базовые оппозиции предикативных элементов (внешнее — внутреннее: неблагоприятная внешняя среда — позитивная инициатива).

О фрактализации границ дискурса (Фаритов 2015: 7) профессиональных династий свидетельствует ряд дискурсивных новинок. Если раньше мафия ассоциировалась только с капиталистическими странами,

то в 1990-е годы на страницах печати появляются публикации о мафии, мафиозных семьях, преступных синдикатах в приложении к новой российской реальности. Отдельным смысловым блоком выступают материалы, связанные с расширенной семьей Ельцина и других политических лидеров, обвиняемых в коррупции. Популярная тема потомственных колдунов, шаманов, магов чаще всего фигурирует в формате рекламных объявлений, однако встречаются публикации-очерки и заметки. Такие новинки свидетельствуют о размывании и фрактализации дискурсивных границ.

Особенно часто фрактализация дискурсивных границ наблюдается в текстах про интеллигенцию и творческие династии. В изучаемый период встречаются отдельные упоминания цирковых, артистических династий, династий художников и других творческих профессий (в «Известиях» 18 публикаций, в «Правде» — 5). Общий тон публикаций восторженный. О представителях творческих профессий пишут с уважением и пиететом. Как правило, воспеваются талант и социальная адаптивность. В границы творческих профессий как особой целостности со своим дискурсивным порядком вторгается бизнес. Вот как это показано на примере артистической семьи Табаковых:

Несколько вопросов молодому бизнесмену:

— Вы пробовали себя на сцене, но в последнее время занимаетесь исключительно бизнесом. Нашли для себя способ самовыражения?

— Я был актером и остаюсь им: играю в «Современнике», в театре у отца, снимаюсь в кино, если есть достойные предложения. Но эта профессия никогда не давала возможности получать хорошие деньги. Бизнес затягивает. Дискотека, клуб...

— Вы собираетесь на этом остановиться?

— Конечно, нет, мне ведь это интересно. Если уж берешься за дело...

Например, в самое ближайшее время я надеюсь открыть салон красоты.

Антон Табаков, хотя небезуспешно продолжал семейную театральную династию, все-таки не сделал творческую карьеру целью своей жизни. Он владелец небольшой, но весьма престижной индустрии развлечения на Трехгорном валу, 6 («Известия», 26.03.1994)

Несмотря на известность отцовской фамилии и активную работу на сцене театра и в кино, сын знаменитого Олега Табакова переориентируется на бизнес-стратегию в целях получения большого дохода, обосновывая свой выбор тем, что профессия актера «никогда не давала возмож-

ности получать хорошие деньги». В доминирующий дискурс включается идея финансового успеха. В отличие от медийного дискурса советского времени, где деньги скорее выступали негативной коннотацией профессиональной деятельности в противовес призванию и служению, новые публикации символически реабилитируют прибыль и высокий доход.

Репрезентация цирковых династий часто дает образец жизненной стойкости и способности преодолевать трудности, надеяться только на себя.

— Сегодня меня перестали финансировать. Вернее, если и финансируют, то в минусе. Например, нужно заплатить миллион, а платят сто тысяч. Сейчас готовлю новую программу «Тигры на зеркальных шарах». Для того чтобы начать эту работу, я заплатил свои десять тысяч долларов. Пытаюсь тем, от кого зависит финансовая сторона, объяснить... Я же делаю новую программу, аналогов которой нет в мире. Мне не привыкать. Было бы желание и стремление. Наверное, через все это нужно пройти. Но главное — устоять.

Акимова Л. Мстислав Запашный: Главное — устоять («Известия», 22.04.2000)

Интересный сюжет профессионального становления и успеха эстрадно-цирковой династии Акопянов представлен в статье «Акопян готов сразиться с Копперфильдом». Дискурсивно текст воспроизводит советскую линию соревнования с Западом, а также раннюю профессиональную идентичность героя, желание профессиональной сепарации от отца, гордость за личные успехи, профессиональную гибкость в достаточно тяжелые для цирка времена.

*— Как Арутюн Акопян отнесся к вашему поступлению в ГИТИС?
— Поначалу он, разумеется, не хотел этого. Нас было двое братьев (я младший), и ни один не боролся за его династию, это его и задело. Меня же постоянно тянуло к театру, кинематографу. Очень хотелось получить театральное образование.*

Хачатрян К. Акопян готов сразиться с Копперфильдом («Правда», 03.04.1998)

С 1993 г. в заголовках газеты «Известия» появляются упоминания о семьях бизнесменов. В номере от 04.12.1993 размещается статья «Бизнес семьи Каменцевых», в которой рассказывается об отце и сыне Каменцевых: «Каменцев-старший ныне удачливый коммерсант — председатель бирже-

вого комитета Международной рыбопромышленной биржи. Каменцев-младший (сын) работает за рубежом — в Японии членом комиссии по рыболовству».

Тема бизнеса возникает и в традиционно женских творческих профессиях, ведь профессиональная занятость в сфере культуры — не гарант стабильного заработка в будущем. В приложении к династиям это скорее свидетельствует о пересмотре традиционных ценностей стабильной, социально наследуемой профессии и готовности к занятиям иного рода в будущем. Так известная балерина, будучи востребованной в постановках, планирует резервный способ получения дохода.

Я продолжаю танцевать в Большом театре и оставлять его пока не собираюсь. Но век балерины очень короток, и поэтому я взялась за новое дело.

Е. Федоренко. Век балерины короток («Известия», 21.10.1992)

Как и другие группы, представители творческих профессий остались за бортом приватизации и лишились поддержки государства. Неслучайно тема интеллигенции и династийных стратегий раскрывается в доминирующем дискурсе социальной депривации. Смена форм собственности разделила общество на полярные лагеря. Одни выступали за права работников, другие защищали социальные группы, не имеющие доступа к производственным капиталам. Протест против участия в приватизации только сотрудников предприятий занимает значительное место в публикациях 1990-х годов.

Этот проект подготовлен фракциями ВС РФ «Рабочий союз», «Промышленный союз», «Аграрный союз», «Отчизна», «Коммунисты России», «Россия». По мнению А. Дунаевского, этот законопроект угрожает приватизации. Наделяя приоритетным правом работников приватизируемых предприятий, мы лишаем части прав других. Таким образом ущемляются права профессиональных и социальных групп, которые и без того лишены должной поддержки государства — пенсионеров, студентов, военных, работников бюджетной сферы, оборонных предприятий, научной и творческой интеллигенции и др.

Консультант парламентской коалиции реформ А. Дунаевский о проекте закона «О приоритете трудовых коллективов государственных и муниципальных предприятий и организаций в выборе форм разгосударствления и приватизации» («Известия», 17.12.1992).

Однако внутренний стержень и сформированная самость характеризуют эту социальную группу, позволяя ей оставаться собой в самых неблагоприятных обстоятельствах. Вот что по этому поводу пишет Д. Гранин:

Интеллигенция была сугубо сперва русским, потом советским явлением. Советский интеллигент формировался на кухонных посиделках, на чтении самиздата туристических поездках за рубеж; бывший интеллигент — вещь не естественная.

Даниил Гранин: интеллигенция в отсутствие Аполлона и райкома («Известия», 14.09.1993).

Несмотря на оформление новых профессиональных групп бизнесменов, значительная часть населения трудоспособного возраста страны «в результате «шоковой терапии» лишились сбережений, доходов и часто работы» (Петренко, Кожевина, Каплун 2011), приобретение расширившегося ныне ассортимента товаров и продуктов для многих оставалось недоступным, что воспринималось жителями городов крайне болезненно. Жители сел реагировали на перемены более спокойно, огородничество становилось их подспорьем в самообеспечении семьи основными продуктами питания.

Абсолютно новым дискурсивным акцентом становится публичное одобрение детской и подростковой самозанятости, поощрительно показываются практики включения детей в стихийные бизнес-практики, в частности игру на гармошке в вагонах метро.

Вместо битья стекол в школе и поджога квартиры первой учительницы человек ходит по метрополитену и зарабатывает себе на жевательную резинку с ксилитом. Возможно, ветераны движения забеспокоит в этой ситуации морально-нравственный аспект, велящий подростку не шляться по вагонам, а лучше тыкать в книжку пальчик и чистить зубы по утрам.... Хорошо по крайней мере то, что, благодаря игре на гармошке, школа и учительница остаются целыми. А прочесть книжку и почистить зубы мальчик еще успеет, благодаря демократическим преобразованиям, имеющим место в стране («Известия», 22.07.1995).

Еще пара дискурсивных новинок касается популяризации игорного и челночного бизнесов (две публикации в изданиях 1994 г.). В статьях, посвященных бизнесу и бизнес-династиям, отчетливо прослеживаются две дискурсивные линии. Одна из них криминально-мафиозная, другая —

цивилизированная, построенная по западному образцу. Криминальную направленность семейного бизнеса находим в 15 статьях в «Известиях» и в девяти статьях в газете «Правда».

Набирающие популярность публикации социологических опросов свидетельствуют о том, что в сознании россиян власть, бизнес и криминал сливаются в неделимое целое:

В той мере, в какой и политической власти приписана коррумпированность, и бизнесу приписана криминальность, они оказываются принадлежащими некоторому единому полю. Далее конкретно указывается (либо подразумевается) слияние власти и бизнеса на основе криминала. Чиновников перекрестили из «бюрократов» в «мафию» («Известия», 04.12.1993).

В центральной прессе публикуются сообщения о криминальных династиях, использующих ресурсы власти и бизнеса:

...глава МПС Николай Аксененко прославился не только тем, что поспособствовал трудоустройству своих родственников на хлебные должности близ железной... но и жесткими зачистками кадрового аппарата. Только за последние два года из 17 начальников железных дорог были уволены 13...

Для особенно упрямых нашлись формулировки построже: например, за необеспечение порученного участка работы. Так в МПС поступают с теми, кто имел неосторожность пойти против интересов главной железнодорожной семьи. И, напротив, лояльные Аксененко и его родственникам чиновники получают повышения. В общем, династия Аксененко продолжает двигать локомотив истории в нужном для себя направлении.

Егоров Н. По ком гудит паровозный гудок («Правда», 05.04.2000).

Замалчиваемые в советское время сюжеты о девиантных семьях в новой России обретают право на существование: появляются грустные или негодующие публикации о потомственных алкоголиках, проститутках, нищих.

Говоря о месте публикаций, посвященных профессиональным династиям в общем доминирующем медиадискурсе, отметим, что они находятся в периферийных зонах. Противоречивость смыслов в периферийных зонах определяется не столько особенностями изучаемых газет, сколько характером эпохи в целом. Частные дискурсы о профессиональных динас-

тиях интертекстуально связаны с другими дискурсами — о разрушении и созидании, бедности и богатстве, готовности меняться и готовности страдать, об обществе в целом и конкретных людях и др. Девяностые годы разбудили процессы смены доминирующих медиадискурсов, трансгрессии, размывания, фрактализации их границ, появление новых смысловых единиц в дискурсивном поле.

Традиционные профессиональные династии в медиадискурсе

Политические и экономические трансформации повлекли за собой фактически революционную перестройку социальной структуры российского общества. Подорванный «престиж и массовых профессий (рабочие, военнослужащие, инженеры, преподаватели и др.), и не массовых, но авторитетных групп (ученые, писатели и др.)» (Левинсон 2010) привел к утрате социального статуса как отдельных граждан и их семей, так и целых слоев населения, усугубив социальную дифференциацию в обществе, укоренив базовую оппозицию «богатый — бедный». В одночасье люди столкнулись с новыми требованиями экономического успеха, оказавшись вытесненными из привычных обстоятельств построения повседневной жизни и профессиональной карьеры.

Разговор о династийности в изучаемых изданиях становится попыткой поддержать социальный статус рабочих, утративших возможность получения достойного заработка и ощущение стабильности, которое раньше возникало при многолетней самоотверженной работе на одном предприятии. С 1990 по 2002 г. в газете «Известия» династиям рабочих посвящено 52 публикации.

Отметим некоторые особенности дискурсивных ориентиров в обращениях к рабочим династиям. С начала 1990-х годов основным мотивом становится дискурс «трудного времени»: бедственного положения рабочих династий, невыплата заработных плат, разрушение промышленности, потеря рабочих мест. Однако традиционные рабочие династии по-прежнему осмысливаются в дискурсах профессиональной преемственности, их ценности для предприятия и общества. Таким образом фиксируется оппозиция предикативных элементов дискурса о рабочих династиях: они ценны, но социально не поддерживаются.

Труднее всего тем, у кого семья целиком работает на ЗИЛе. Раньше «рабочие династии» пользовались на заводе почетом, а теперь не могут прокормить своих детей.

Яковлева Е., Шимов Я. «Москвич» и ЗИЛ в одном кювете («Известия», 13.10.1995).

Трудные времена «золотой» династии. В музее саратовского авиационного завода есть цветная фотография членов «золотой» династии Ковшовых. Благостные лица основателя династии, троих его сыновей, а также зятьев и снох, суммарный трудовой стаж которых на авиазаводе перевалил за сто лет, светятся счастьем. Сегодня Ковшovy живут значительно хуже. Потому что флагман саратовской индустрии, краса и гордость отечественного самолетостроения, пионер рыночных реформ в области давно уже работает в «рваном» режиме, а в последние месяцы вообще простаивает... Самыми крайними, как всегда, оказались рабочие и инженеры. А также — колхозники.

Кислов А. Что хуже — без полочки или без работы? («Известия», 30.01.1996).

Новые задачи ждут новых поколений. Снова вспомнился разговор с рабочим в столовой. Прощаясь, он заметил, пожалуй, самое важное: «Давнишня эта наша традиция — растить династии. И очень мудрая. Когда человек в прямом смысле сроднится с коллективом, он грудью встанет, а завод на разграбление не отдаст. Вся жизнь его тут, вся судьба. Вся фамилия в историю предприятия вписана, которую он с родными и друзьями творил».

Офицерова Т. Рабочая зарубка («Правда», 26.12.2002)

«Известия» в 1990–2002 гг. публикуют 830 материалов, так или иначе связанных со становлением профессиональной группы фермеров. Однако про сельские династии публикаций не найдено. Собственно, их и не было. Как показывают результаты социологических исследований, основным каналом рекрутирования фермеров становятся группы работников бывших колхозов и совхозов (они шли на это иногда добровольно, иногда принудительно). Отряд фермеров пополняли служащие из сельской местности, партийные работники, а также специалисты из образования, медицины, культуры, которые составили группу «независимых предпринимателей», начинающих свое дело за счет кредитов или собственных накоплений (Боконтаева 1998: 33–34). Внимание читателей направляется на активность фермеров стран ближнего зарубежья, жизнь американских, европейских и даже зимбабвийских фермеров, и законодательство, регулирующее их деятельность. Интертекстуальная связь дискурсов закрепляется в сюжетах о фермерах (как новой и значимой профессиональной группе) и дискурсов о важности изучения зарубежного опыта (как успешной модели социального бытия), о политике и ее последствиях, кризисе

и критике реформ и власти, об оформлении земли и земельном законодательстве, об обучении фермеров и профессионализации новой группы, объединении в кооперативы, о сбыте продукции, об общих проблемах и путях их решения.

Российские фермеры еще раз подтвердили, что они — сторонники реформ и не собираются объявлять ультиматумы правительству России, однако им катастрофически не хватает денег.

Сейчас в России около 150 тыс. фермерских хозяйств, за ними закреплено более 6 млн. га земли. Правда, пока их удельный вес в производстве сельскохозяйственной продукции составляет всего 4–5 %.

Больше всего фермеров беспокоит то, что не выполняется соглашение правительства РФ и АККОР о взаимном сотрудничестве и поддержке. Из бюджета в Фонд поддержки «Российский фермер» за 9 мес. выделено менее 15 % от обещанной президентом и ВС суммы. ... Немало фермерских семей живет в землянках.

В Москве прошел совет АККОР, который обратился с письмом к Б. Ельцину («Известия», 20.10.1992).

Центральные издания время от времени поднимают проблемы крестьян, занятых в сфере животноводства, организуют диалог читателей и чиновников, специалистов, экспертов. К середине 1990-х в дискурсе укореняется тема объединения фермеров или, наоборот, возможность избежать популизма рэкета за счет более «солидных» связей. Становится популярной тема блата как практики «обхода формальных процедур, регулирующих доступ к ресурсам» в сфере личного потребления и в системе «официального распределения материального благосостояния» (Леденева 1997: 90). Для конца 1990-х по-прежнему актуальны оказание неформальных услуг по дружбе, по-соседски (Утехин 2004) или по блату (Ledeneva 1998), являющиеся важным (хотя и претерпевшим изменение по сравнению с формой советского блата) инструментом достижения целей. Значительным атрибутом эпохи перемен видится смена ценностных установок, когда культурной реакцией на «категоричность денежной невыделенности “советского человека” становится гипермонетаризм и демонстративная денежная выделенность «новых русских»..., преодолевших былые культурные запреты на демонстративное потребление» (Согомонов 2005: 231), плотно связанных с криминализацией бизнеса, новыми стратегиями занятости, адаптированными к новым условиям в контексте оттока цен и дефолта. Неформальные отношения, проявляющиеся в практиках блата, устаревшие стратегии избегания

денежной выделенности, которые стали наследием советской системы, отразились на жизненных стратегиях и оценочных взглядах россиян. Подобный образ не совсем честного агента, но зато добившегося высокой экономической прибыли и увеличивающего свой капитал, является отражением новой формы социально-экономических стратегий в условиях «девальвации взаимных контрактационных ожиданий» (Рождественская 2019: 64).

Определенная реабилитация профсоюзов как защитников интересов мелких производителей становится частью периферийного дискурса. Основные стратегии ведения предпринимательской деятельности предполагают соотнесение себя с профессиональным сообществом, надежду на ресурсы профессиональных объединений. Такое объединение, безусловно, символизирует некоторое противопоставление прежним культурным ориентирам, а также другим солидарностям, от которых исходит угроза. Дискурсивно это полагает устойчивость групповой идентичности и самоощущения, содержит призыв к сопротивлению (Cohen 2001: 110–111).

Мелкие коммерсанты, торгующие на рынках Ростовской области, потеряв надежду на то, что власти смогут защитить их от рэкета и всевозможных незаконных поборов, а заодно и создать благоприятные условия для развития частного предпринимательства, решили объединиться в профсоюз. На прошлой неделе в одном из помещений центрального рынка Ростова-на-Дону состоялось организационное собрание представителей малого бизнеса, делегированных инициативными группами из городов области. Стремление к объединению возникло не случайно. В последнее время у коммерсантов появилось немало поводов для недовольства действиями местных администраторов. В городах и районах вводятся дополнительные торговые сборы. А недавно между ростовскими предпринимателями и городской властью вспыхнул конфликт из-за волонтеристских действий, связанных с выполнением указа о повсеместном использовании кассовых аппаратов.

Сергей Вахонин. Из регионов России («Правда», 02.09.1997).

Начинают формироваться новые профессиональные ассоциации как агенты социального управления. Именно в 1990-е годы выходят на сцену «Российская медицинская ассоциация» (1993) (Лазарев 2013), «Педагогическое общество России» (1993) с выраженным интересом к общественной деятельности, лоббированию, защите профессиональных интересов

и сорегулированию профессиональной деятельности с государством (Мансуров, Юрченко 2011: 184). Целостность границ доминирующего медиадискурса (несовместимость интересов власти и народа) размывается идеями партисипативного общественного управления, ответственности печати за общее настроение и отношение к текущим преобразованиям.

В дискурс династийности проникают идеи восходящих управленческих карьер. В условиях, когда распространенной практикой решения спорных ситуаций становится применение силы, давления, в ряде публикаций делается акцент на репутационный капитал рабочих династий.

Как стало известно нашей газете, Носов — один из немногих руководителей предприятия, который не замешан в скандалах и поэтому является весьма привлекательной фигурой для акционеров, уставших от постоянных разборок. Более того, Сергей Носов — представитель известнейшей в городе металлургической династии, внук легендарного директора Магнитки Григория Борисовича Носова, который руководил заводом во время Великой Отечественной войны. Да и сам Сергей в 22 года начал работать на заводе подручным сталевара и за 15 лет на Магнитке сумел подняться до заместителя директора, сохранив уважение и рабочих, и власти. Авторитет и популярность — это именно то, что сейчас крайне необходимо для человека, которому надо будет выводить Магнитку из кризиса.

Центр социалистических исследований и проблем рабочего движения. РЕЗОНАНС. Голоса рабочих на рынке беспредела («Правда», 03.04.1998).

Начиная с 1970-х годов идея разрядки международной напряженности укореняется в общественном сознании. Перестройка и гласность, отказ от идеи мирового лидерства, резкое сокращение вооружения привели к колоссальному высвобождению военных кадров, которые должны были каким-то образом встроиться в новую социальную систему. Тема переподготовки и обучения военных за рубежом встречается несколько раз. Начинают разрабатываться специализированные образовательные программы, публикуются объявления рекламно-информационного характера. Социальная мобильность бывших военнослужащих раскрывается в дискурсе переподготовки и трех основных линий развития карьеры: менеджмент, бизнес, криминал.

Международный университет начнет осуществление программы переподготовки 50 молодых офицеров, уволенных в запас из вооружен-

ных сил и пожелавших приложить свои усилия в сфере бизнеса («Известия», 30.09.1992).

В публикации «Известий» «О высшей школе бизнеса для бывших военнослужащих рассказывает ее декан, профессор политологии генерал-майор авиации Николай Столяров» освещается прохождение стажировки уволенными офицерами в Соединенных штатах Америки. Статья иллюстрирует переход из одного профессионального поля в другое:

Из бывших военнослужащих получают неплохие управляющие персоналом, — в западных колледжах это целое направление учебы, специалисты по сохранению коммерческих и технологических тайн, экономической безопасности («Известия», 3.12.1993).

Подводя итоги дискурсивного оформления традиционных профессиональных групп и династий рабочих, сельскохозяйственных предпринимателей, военных, отметим значительные вариации периферийных дискурсов при достаточно устойчивых оппозициях предикативных элементов. В поле дискурса попадают как нормированные профессиональные династийные практики, устойчиво представляющие передачу профессиональных ценностей из поколения в поколение, связь династии с предприятием и местом, активное вовлечение в социальную жизнь, так и новеллы — ориентация на предпринимательство и западные образцы успеха, кризисные профессиональные девиации, участие в управлении, желание влиять на ход политических преобразований. Дискурсивно одобряются примеры быстрого обогащения и рискованного предпринимательства, осуждаются, но вместе с тем и поддерживаются идеи поиска безопасного бизнеса, в том числе с помощью рэкета.

Выводы

Центральная печать, укорененные и популярные в советское время издания «Правда» и «Известия» выступают своеобразными сколками общих социальных процессов, происходящих в России в период 1990–2002 гг. Этот период номинируется как переходный, транзит, эпоха перемен, перестройка, трансформация, постперестройка, постсоциализм, «лихие девяностые». Мы исходим из понимания 1990-х годов как постперестроечных и постсоциалистических, в которых перестают работать прежние установки и ценностные ориентиры, меняется сам характер дискурсивных практик.

Дискурс выступает как способ изложения, рассуждения, объяснения и понимания реальности. Социальные смыслы и воспроизводятся, и соз-

даются дискурсом. По сути, в дискурсе проецируются идеологические, политические, экономические, профессиональные и иные социальные практики. В свою очередь, и дискурс производит соответствующие практики. В этом смысле медиадискурс не является исключением: он упорядочивает реальность, формирует картину мира, определяет иерархию и границы социальных субъектов, процессов, явлений, разграничивая истинное и ложное, нормативное и аномальное.

Медиадискурс воплощает социальную реальность в целом, однако в нем в той или иной степени отражены идеологические, политические и иные ориентиры издания. «Правда» и «Известия», сменив статус политического рупора государства на общественно-политический, стали говорить голосом народа, и это дискурсивно определило общую направленность в интерпретации текущих перемен как катастрофы и беспредела. Предикативной оппозицией становится понимание реформ как сущностного и необходимого этапа развития российского общества, сопряженного с новыми возможностями, свободами, инициативами, отказом от соперничества и культурной интеграции с Западом.

Публикации, посвященные профессиональным династиям, находятся на периферии общего доминирующего медиадискурса, демонстрируя высокую подвижность и изменчивость его границ: публикации являют примеры трансгрессии, размывания, фрактализации границ, появления новых смысловых единиц в дискурсивном поле. Дискурсивно поддерживаются идеи социальной ностальгии, социального протеста и эйфории от демократических свобод.

Медиадискурс легитимируется в рамках трех основных стратегий: использование доказательной базы социологических опросов, обращение к нарративам человека труда, репрезентация жизненных фактов и событий. Частные дискурсы о профессиональных династиях интертекстуально связаны с другими дискурсами — о разрушении и созидании, бедности и богатстве, готовности меняться и готовности страдать, об обществе в целом и конкретных людях и др. Пресса формирует общественный интерес, социальные смыслы и отношения к рынку/предпринимательству, отмечая как возможности, так и ограничения и риски, к крушению прежних социальных институтов и непростому становлению новых, идеологии и культуре, в том числе ценностным конфликтам, гражданскому активизму. Данные трансформационные процессы реализуются в контексте лиминальности, характеризующейся разрушением прежних норм, утратой привычных ориентиров, двойственностью, челночными движениями между прошлым и грядущим.

Династии конструируются в дискурсе катастрофы (рабочие, крестьянские), героических испытаний и побед (творческая интеллигенция),

рискованного бизнеса (военные). Большая роль в разработке профессиональных стратегий отводится переподготовке и изучению западного опыта.

Одной из ярких дискурсивных линий газетных сообщений выступает пропаганда умения заработать деньги, рискованного предпринимательства, умения преодолевать трудности. Транслируемый в газетах денежный успех предпринимателей, коммерсантов, их успешные стратегии по капитализации своего дела маркируют зарождение и институционализацию бизнес-элит и новых профессиональных династий. Бизнес манит представителей всех профессий — от актеров до сельскохозяйственных работников. Идет процесс профессионализации фермеров: солидарности (кооперативы) создаются как ресурс и хранилище новых смыслов в противовес прежним колхозам, как возможность отработки коллективных трудовых сценариев.

Новый тип общественного договора между гражданами и властью реализуется подчас в пространстве блуждающих туманов, где акторы вынуждены осуществлять поиск ниш, способствующих удержанию или накоплению капиталов. Дискурсивно оформляется поле бизнеса — семейного, женского, военного, детского, фермерского — любого. Новые профессионалы — коммерсанты, предприниматели, зарабатывающие «почти честным» путем, успешно маневрирующие между условиями рыночной экономики и опекой рэкета. Это новые рациональные практики предпринимательства, оформившиеся на базе рыночных отношений, строящихся на спекулятивной экономике и нечестной торговле (порицаемых в советскую эпоху), оправдываемых требованием современного времени свободной конкуренции и государственного невмешательства 1990-х.

Выражение благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 19-18-00320).

Литература

Абдраимов М.Д. (2007) Формирование международного имиджа страны как главная составляющая внешнеполитической информационной деятельности России. *Актуальные проблемы международных отношений в начале XXI века: материалы IX науч.-практ. конф. молодых ученых. Дипломатическая академия МИД России*. М.: Научная книга.

Байбурун А.К. (2004) Этнография нашего быта. Утехин И.В. *Очерки коммунального быта*. М.: ОГИ: 7–20.

Беляева Л.А. (1996) Трансформация социальной структуры российского общества. Лапин Н.И., Беляева Л.А., Наумова Н.Ф., Здравомыслов А.Г. (ред.) *Динамика ценностей населения реформируемой России*. М.: УРСС: 81–131.

Боконтаева Д.К. (1998) Фермеры как социально-профессиональная группа. *Социологические исследования*, 3: 31–35.

Борелли К., Маттиоли Ф. (2013) Социальные миры постсоциализма. *Laboratorium: журнал социальных исследований*, 1: 14–24.

Ван Дейк Т. А. (2013) Дискурс и доминирование. *Современный дискурс-анализ*, 1(1). [<http://discourseanalysis.org/ada1/st1.shtml>] (дата обращения: 10.12.2020).

Веселкова Н., Вандышев М., Прямикова Е. (2016). Дискурс природы в молодых городах. *Социологическое обозрение*, 1(15): 112–133.

Витманас С.Е. (2001) *Переходный период в современной России (политический транзит 90-х гг.)*: дис. ... канд. полит. наук. М.

Воробьева Н.С. (2019) Коммунитас как «сущностное Мы»: возможность диалогических отношений в общности. *Социология власти*, 31(4): 155–184.

Генералова Е.В. (2019) От «бурных десятых» до «гучных нулевых»: эпитеты к обозначениям десятилетних периодов в истории нашей страны. *Русская речь*, 1: 37–43.

Голенкова З.Т. (1995) Основные тенденции трансформации социальной структуры современного российского общества. *Вестник РУДН. Серия: Социология*, 1: 28–43.

Заславская Т.И., Рывкина Р.В. (1991) *Социология экономической жизни: очерки теории*. Новосибирск: Наука.

Заславская Т.И. (2004) *Современное российское общество. Социальный механизм трансформации*. М.: Дело.

Заславская Т.И. (2002) *Социетальная трансформация российского общества: деятельность-структурная концепция*. М.: Дело.

Зудин А.Ю. (2002) «Культура имеет значение»: к предистории российского транзита. *Мир России. Социология. Этнология*, 3(11): 122–158.

Ильин В.И. (2008) *Потребление как дискурс*. СПб.: Интерсоцис.

Казначеев О.В. (2001) *Идейно-организационная дифференциация КПСС в процессе перестройки 1985–2000 гг.*: дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск.

Клейнер Г.Б., Макаров В.Л. (1996) *Бартер в экономике России: особенности и тенденции переходного периода*. М.: Дело.

Клисторин В.И. (2014) «Лихие девяностые» глазами экономиста: социально-психологическое исследование. *ЭКО*, 10(484): 181–189.

Кожемякин Е.А. (2013) Медиадискурс. *Современный дискурс-анализ*, 1(2) [http://discourseanalysis.org/ada2_1/st20.shtml] (дата обращения: 10.08.2020).

Кожемякин Е.А. (2008) Анализ дискурса как системы рассеивания в традиции французской философии второй половины XX века (М. Фуко, М. Пешё). *Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право*, 4(44): 5–17.

Лазарев С. *Формирование врачебного сообщества в России* [<https://vladmedicina.ru/articles/biznes/2013-05-31-formirovanie-vrachebnogo.htm>] (дата обращения: 10.08.2020).

Левинсон А.Г. (2010) Общественное мнение о реформах начала 1990-х годов. *История новой России*. [<http://ru-90.ru/node/1129>] (дата обращения: 09.09.2020).

Леденева А.В. (1997) Личные связи и неформальные сообщества: трансформация блата в постсоветском обществе. *Мир России*, 2: 89–106.

Мансуров В., Юрченко О. (2011) Российские врачи: профессионализация сверху или саморегулирование профессии? Романов П.В., Ярская Е.Р. (ред.) *Антропология профессий, или посторонним вход разрешен*. М.: Вариант; ЦСПГИ.

Наумова К.Г. (2001) *Фразеология «перестройки» и «постперестройки» (ономасиологический аспект)*: автореф. дис. ... канд. филол. наук Елец.

Никонов В.А. (1999) *Эпоха перемен: Россия 90-х глазами консерватора*. М.: Языки русской культуры.

Петренко Е., Кожевина Е., Каплун В. (2011) Россия. Конец XX века. Представления наших современников. Ярская-Смирнова В.Н., Ярская-Смирнова Е.Р. (ред.) *Власть времени: социальные границы памяти*. М.: Вариант; ЦСПГИ: 45–62.

Переходный период. Анализ и уроки первого десятилетия для стран Восточной Европы и бывшего Советского Союза. Исследование Всемирного банка. М.: Всемирный банк, 2002.

Прохоров М.М. (2001) Стратегия для развития России в эпоху перемен. *Пути развития общества в эпоху перемен. Материалы II регион. науч. конф.* Н. Новгород: Нижегородский коммерческий институт: 247–253.

Олейник А.Н. (1995) *Институциональные аспекты социально-экономических трансформаций*: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М.

Родина В.В. (2018) Дискурс: генезис, природа и содержание, обзор научных школ. *Проблемы языкознания и теории коммуникации*, 2:101–111.

Рождественская Е.Ю. (2019) Социальный контракт в эпоху 90-х. *ИНТЕР-акция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация*, 11(18): 55–79.

Силласте Г.Г. (1994) Социогендерные отношения в период социальной трансформации России. *Социологические исследования*, 3: 15–22.

Симонян Р.Х. (2011) «Лихие» или «славные» девяностые? *Свободная мысль*, 12(1630): 159–174.

Симонян Р.Х. (2012) Российское общество после реформ 1990-х годов. *Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. Материалы IV очередного всерос. социол. конгресса*. М.: РОС: 210–224.

Согомонов А.Ю. (2005) *Генеалогия успеха и неудач*. М.: Солтэкс; Невский простор.

Сорокина Н.В., Черняева К.О. (2020) Репрезентация профессиональных групп и династий в советском медиапространстве (по публикациям газеты «Известия» 1965–1980 гг.). *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология*, 2: 138–145.

- Степин В.С. (1996) Эпоха перемен и сценарии будущего. Степин В.С. *Избранная социально-философская публицистика*. М.: Институт философии РАН.
- Салменниemi С. (2009) Теория гражданского общества и постсоциализм. *Журнал исследований социальной политики*, 7(4): 439–464.
- Тамаш П. (2005) Постперестройка. *Мир перемен*, 4: 21–32.
- Тэрнер В. (1983) *Символ и ритуал*. М.: Наука.
- Утехин И.В. (2004) *Очерки коммунального быта*. М.: ОГИ.
- Фаритов В.Т. (2015) Основные концепты философии постмодернизма (дискурс и трансгрессия). *Universum: общественные науки*, 12(21): 1–12.
- Фуко М. (2007) *Порядок дискурса*. Лекция [<https://gtmarket.ru/library/articles/777>] (дата обращения: 16.09.2020).
- Фэрклоу Н. (2013) Диалектика дискурса. *Современный дискурс-анализ*. Вып. 1. Т. 1. [<http://discourseanalysis.org/ada1/st9.shtml>] (дата обращения: 12.11.2020).
- Шестак Л.А. (2014) Политическая картина мира: референции и номинации. *Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления. Материалы междунар. науч. конф.* Екатеринбург: Урал. Гос. пед. ун-т: 274–278.
- Экономика переходного периода сборник избранных работ 1999–2002* (2003). М.: Институт экономики переходного периода.
- Ясавеев И. (2010) *Социальные проблемы и медиа: конструкционистское прочтение*. LAP Lambert Academic Publishing.
- Boon J.A. (1981) *Other tribes, other scribes: symbolic anthropology in the comparative study of cultures, histories, religions and texts*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Cohen A.P. (2001) *The Symbolic Construction of Community*. L.; N.Y.: Taylor & Francis e-Library.
- Ledeneva A. (1998) *Russia's economy of favours: Blat, networking and Informal exchange*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lonkila M. (1997) 'Informal Exchange Relations in Post-Soviet Russia: A Comparative Perspective'. *Sociological Research Online*, 2(2) [<http://www.socresonline.org.uk/2/2/9.html>] (дата обращения: 10.08.2020).
- von Seth R. (2012) The language of the press in Soviet and post-Soviet Russia: Creation of the citizen role through newspaper discourse. *Journalism*, 13(1): 53–70 [<https://doi.org/10.1177/1464884911400844>] (дата обращения: 12.11.2020).

MEDIA CONSTRUCTION OF RUSSIAN PROFESSIONAL DYNASTIES AND PROFESSIONAL GROUPS IN THE ERA OF CHANGE (1990–2002)

Ksenia Chernyaeva^{ab},
Tatiana Chernyaeva^b (tatcher@yandex.ru),
Natalia Sorokina^c

^a Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

^b Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saratov, Russia

^c Saratov State Technical University named after Yu.A. Gagarin, Saratov, Russia

Citation: Chernyaeva K., Chernyaeva T., Sorokina N. (2021) Mediynoye konstruirovaniye rossiyskikh professional'nykh dinastiy i professional'nykh grupp v epokhu peremen (1990–2002) [Media construction of Russian professional dynasties and professional groups in the era of change (1990–2002)]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 24(4): 162–195 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.4.7>

Abstract. The work is devoted to the study of professional dynasties and professional groups within the framework of the sociological reconstruction of media discourses. It is the second part of a series of works devoted to the study of professional dynasties and their representation in the media space. The previous articles reveal the meanings and methods of constructing dynasty in the official press since the 1960s–1980s. The press, glorifying the working man, did not disregard labor dynasties as topics that help shape the values of continuity and ideological justification of family labor. The article focuses on the changes that are taking place in the space of professions in the 90s in the general context of social transformations. The empirical base is formed by the results of discourse analysis of publications of the central print media (Pravda, Izvestia) from 1990 to 2002. In the press of this time, the following topics are being worked out: the boundaries of state intervention in the economy, re-formation as a process and analysis of its consequences, social stratification into rich and poor, the position of various social groups, a decline in living standards and loss of social security, a rapid rise in prices. Media discourses contribute to the consolidation of new professional groups demanded by the era of businessmen, merchants, entrepreneurs, broadcasting the significance of their activities in terms of success and economic profitability. The legitimization of media discourse is carried out in three main strategies: the use of the evidence base of sociological surveys, the appeal to the narratives of the working person, the representation of life facts and events. Dynasties of workers and intelligentsia that were previously popular, but which have lost their value in a market economy, are being pushed out of the discursive field. The components of a new social identity are being laid. Strategies for getting rich, quick and risky entrepreneurship, flexible change of professional

orientations, skillful maneuvering in the business field between market conditions, free competition and the tutelage of racketeering are actively promoted.

Keywords: professional group, dynasty, media discourse, legitimization of discourse, dominant discourse, peripheral discourse, boundaries of discourse.

Acknowledgements

The research is supported by Russian Science Foundation (project no. 19-18-00320).

References

Abdraimov M.D. (2007) Formirovaniye mezhdunarodnogo imidzha strany kak glavnyaya sostavlyayushchaya vneshnepoliticheskoy informatsionnoy deyatel'nosti Rossii [Formation of the country's international image as the main component of Russia's foreign policy information]. In: *Aktual'nyye problemy mezhdunarodnykh otnosheniy v nachale XXI veka: Materialy IX nauchno prakticheskoy konferentsii molodykh uchenykh* [Actual problems of international relations at the beginning of the XXI century: Materials of the 9th scientific and practical conference of young scientists]. Diplomaticheskaya akademiya MIDD Rossii. Moscow: Nauchnaya kniga (in Russian).

Bayburin A.K. (2004) Etnografiya nashego byta [Ethnography of our life]. In: Utekhin I.V. *Ocherki kommunal'nogo byta* [Essays on communal life]. Moscow: OGI: 7–20 (in Russian).

Belyaeva L.A. (1996) Transformatsiya sotsial'noy struktury rossiyskogo obshchestva [Transformation of the social structure of Russian society]. Lapin N.I., Belyaeva L.A., Naumova N.F., Zdravomyslov A.G. (eds.) *Dinamika tsennostey naseleniya reformiruyemoy Rossii* [Dynamics of values of the population of reformed Russia]. Moscow: URSS: 81–131 (in Russian).

Bokontaeva D.K. (1998) Fermery kak sotsial'no-professional'naya gruppa [Farmers as a social and professional group]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 3: 31–35 (in Russian).

Boon J.A. (1981) *Other tribes, other scribes: symbolic anthropology in the comparative study of cultures, histories, religions and texts*. Cambridge: Cambridge University Press.

Borelli K., Mattioli F. (2013) Sotsial'nyye miry postsotsializma [Social worlds of post-socialism]. *Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovaniy* [Laboratorium: Journal of Social Research], 1: 14–24 (in Russian).

Cohen A.P. (2001) *The Symbolic Construction of Community*. London; New York: Taylor & Francis e-Library.

Ekonomika perekhodnogo perioda sbornik izbrannykh rabot 1999–2002 [Economy in transition, a collection of selected works 1999–2002] (2003). Moscow: Institute for the Economy in Transition (in Russian).

Fairclough N. (2013) Dialektika diskursa [Dialectics of discourse]. *Sovremennyye diskursy-analiz* [Modern discourse analysis], 1(1) [<http://discourseanalysis.org/ada1/st9.shtml>] (accessed: 12.11.2020) (in Russian).

Faritov V.T. (2015) Osnovnyye kontsepty filosofii postmodernizma (diskurs i transgressiya) [Basic concepts of philosophy of postmodernism (discourse and transgression)]. *Universum: social sciences*, 12(21): 1–12 (in Russian).

Foucault M. (2007) *Poryadok diskursa. Lektsiya* [The order of discourse. Lecture] [http://gtmarket.ru/library/articles/777] (accessed: 16.09.2020) (in Russian).

Generalova E.V. (2019) Ot «burnykh desyatykh» do «tuchnykh nulevykh»: epitety k oboznacheniyam desyatiletnykh periodov v istorii nashey strany [From “stormy tenths” to “fat zero”: epithets to designations of ten-year periods in the history of our country]. *Russkaya rech* [Russian speech], 1: 37–43 (in Russian).

Golenkova Z.T. (1995) Osnovnyye tendentsii transformatsii sotsial'noy struktury sovremennogo rossiyskogo obshchestva [The main trends in the transformation of the social structure of modern Russian society]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology], 1: 28–43 (in Russian).

Ilyin V.I. (2008) *Potrebleniye kak diskurs* [Consumption as a discourse]. St. Petersburg: Intersocis (in Russian).

Kaznacheev O.V. (2001) *Ideyno-organizatsionnaya differentsiatsiya KPSS v protsesse perestroiki 1985–2000 gg.* [Ideological and organizational differentiation of the CPSU in the process of perestroika 1985–2000. Dissertation for Cand. historical sciences degree]. Pyatigorsk (in Russian).

Kleiner G.B., Makarov V.L. (1996) *Barter v ekonomike Rossii: osobennosti i tendentsii perekhodnogo perioda* [Barter in the Russian economy: features and trends of the transition period]. Moscow: Delo (in Russian).

Klistorin V.I. (2014) “Likhie devyanostyye” glazami ekonomista: sotsial'no-psikhologicheskoye issledovaniye [“The Wild Nineties” through the eyes of an economist: a socio-psychological study]. *ECO*, 10: 181–189 (in Russian).

Kozhemyakin E.A. (2008) Analiz diskursa kak sistemy rasseivaniya v traditsii frantsuzskoy filosofii vtoroy poloviny XX veka (M. Foucault, M. Pécheux) [Analysis of discourse as a system of dispersion in the tradition of French philosophy of the second half of the twentieth century (M. Foucault, M. Pécheux)]. *Nauchnyye vedomosti BelGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [Scientific Bulletin of BelSU. Series: Philosophy. Sociology. Law], 4(44): 5–17 (in Russian).

Kozhemyakin E.A. (2013) Mediadiskurs Media discourse. *Sovremennyy diskurs-analiz* [Contemporary discourse analysis], 1(2) [http://discourseanalysis.org/ada2_1/st20.shtml] (accessed: 10.08.2020) (in Russian).

Lazarev S. *Formirovaniye vrachebnogo soobshchestva v Rossii* [Formation of the medical community in Russia] [https://vladmedicina.ru/articles/biznes/2013-05-31-formirovanie-vrachebnogo.htm] (accessed: 08.10.2020) (in Russian).

Ledeneva A. (1998) *Russia's economy of favours: Blat, networking and informal exchange*. Cambridge: Cambridge University Press.

Ledeneva A.V. (1997) Lichnyye svyazi i neformal'nyye soobshchestva: transformatsiya blata v postsovetskom obshchestve [Personal connections and informal communities: transformation of cronyism in post-Soviet society]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 2: 89–106 (in Russian).

Levinson A.G. (2010) *Obshchestvennoye mneniye o reformakh nachala 1990-kh godov. Istoriya novoy Rossii* [Public opinion on the reforms of the early 1990s. The history of the new Russia] [http://ru-90.ru/node/1129] (accessed: 09.09.2020) (in Russian).

Lonkila M. (1997) 'Informal Exchange Relations in Post-Soviet Russia: A Comparative Perspective'. *Sociological Research Online*, 2(2) [<http://www.socresonline.org.uk/2/2/9.html>] (accessed: 10.08.2020).

Mansurov V., Yurchenko O. (2011) Rossiyskiye vrachi: professionalizatsiya sverkhu ili samoregulirovaniye professii? [Russian doctors: professionalization from above or self-regulation of the profession?] Romanov P.V., Yarskaya E.R. (eds.) *Antropologiya professiy, ili postoronnim vkhod razreshen* [Anthropology of professions, or unauthorized entry is allowed]. Moscow: Variant; TsSPGI (in Russian).

Naumova K.G. (2001) *Frazeologiya «perestroyki» i «postperestroyki» (onomasiologicheskiiy aspekt)* [Phraseology of “perestroika” and “post-perestroika” (onomasiological aspect)] Author’s abstract. dis. PhD in Philology. Elets (in Russian).

Nikonov V.A. (1999) *Epokha peremen: Rossiya 90-kh glazami konservatora* [The era of change: Russia in the 90s through the eyes of a conservative]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury (in Russian).

Oleinik A.N. (1995) *Institutsional'nyye aspekty sotsial'no-ekonomicheskikh transformatsiy* [Institutional aspects of socio-economic transformations: abstract dis. ... candidate of economic sciences]. Moscow (in Russian).

Perekhodnyy period. Analiz i uroki pervogo desyatiletiya dlya stran Vostochnoy Evropy i byvshego Sovetskogo Soyuza. Issledovaniye Vsemirnogo banka (2002) [Transition period. Analysis and lessons from the first decade for the countries of Eastern Europe and the former Soviet Union. World Bank study]. Moscow (in Russian).

Petrenko E., Kozheva E., Kaplun V. (2011) Rossiya. Konets XX veka. Predstavleniya nashikh sovremennikov [Russia. The end of the twentieth century. Representations of our contemporaries]. In: Yarskaya-Smirnova V.N., Yarskaya-Smirnova E.R. (eds.) *Vlast' vremeni: sotsial'nyye granitsy pamyati* [Power of time: social boundaries of memory] Moscow: Variant; TsSPGI: 45–62 (in Russian).

Prokhorov M.M. (2001) Strategiya dlya razvitiya Rossii v epokhu peremen [Strategy for the development of Russia in an era of change]. In: *Puti razvitiya obshchestva v epokhu peremen* [Ways of development of society in an era of change. Materials of the II Regional Scientific Conference]. N. Novgorod: 247–253 (in Russian).

Rodina V.V. (2018) Diskurs: genezis, priroda i sodержaniye, obzor nauchnykh shkoll [Discourse: genesis, nature and content, an overview of scientific schools]. *Problemy yazykoznaniiya i teorii kommunikatsii* [Problems of Linguistics and Communication Theory], 2: 101–111 (in Russian).

Rozhdestvenskaya E. Y. (2019) Sotsial'nyy kontrakt v epokhu 90-kh [Social contract in the era of the 90s]. *INTERaktsiya. INTERvyu. INTERpretatsiya* [INTERaction. INTERview. INTERpretation], 11(18): 55–79 (in Russian).

Salmenniemi S. (2009) Teoriya grazhdanskogo obshchestva i postsotsializm [Civil Society Theory and Post-Socialism]. *Zhurnal Issledovaniy Sotsialnoy Politiki* [Journal of Social Policy Research], 7(4): 439–464 (in Russian).

Shestak L.A. (2014) Politicheskaya kartina mira: referentsii i nominatsii [Political picture of the world: references and nominations]. In: Chudinov A.P. (ed.) *Politicheskaya kommunikatsiya: perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya* [Political communication: prospects for the development of scientific direction. Materials of the International Scientific Conference]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University: 274–278 (in Russian).

Sillaste G.G. (1994) Sotsiogendernyye otnosheniya v period sotsial'noy transformatsii Rossii. Sotsiologicheskiye issledovaniya [Social and gender relations in the period of social transformation of Russia]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 3: 15–22 (in Russian).

Simonyan R.Kh. (2011) «Likhiye» ili «slavnyye» devyanostyye? [The Dashing or Glorious Nineties?]. *Svobodnaya mysl'* [Free Thought], 12(1630): 159–174 (in Russian).

Simonyan R.Kh. (2012) Rossiyskoye obshchestvo posle reform 1990-kh godov [Russian society after the reforms of the 1990s]. In: *Sotsiologiya i obshchestvo: global'nyye vyzovy i regional'noye razvitiye* [Sociology and society: global challenges and regional development. Materials of the IV Ordinary All-Russian Sociological Congress]. Moscow: ROS: 210–224 (in Russian).

Sogomonov A.Y. (2005) *Genealogiya uspekha i neudach* [The Genealogy of Success and Failure]. M.: Solteks; Nevsky Prostor (in Russian).

Sorokina N.V., Chernyaeva K.O. (2020) Rerezentatsiya professional'nykh grupp i dinastiy v sovetskom mediaprostranstve (po publikatsiyam gazety «Izvestiya» 1965–1980 gg.) [Representation of professional groups and dynasties in the Soviet media space (based on publications of the Izvestia newspaper in 1965–1980)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of the Saratov University. New series. Sociology. Political Science], 2: 138–145 (in Russian).

Stepin V.S. (1996) Epokha peremen i stsenarii budushchego [The Epoch of Changes and Scenarios of the Future]. In: Stepin V.S. *Izbrannaya sotsial'no-filosofskaya publitsistika* [Selected Social and Philosophical Journalism]. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Turner V. (1983) *Simvol i ritual* [Symbol and ritual]. Moscow: Science (in Russian).

Utekhin I.V. (2004) Ocherki kommunal'nogo byta [Essays on communal life]. Moscow: OGI (in Russian).

Van Dijk TA (2013) Diskurs i dominirovaniye [Discourse and domination]. *Sovremennyy diskurs-analiz* [Contemporary discourse analysis], 1(1) [<http://discourseanalysis.org/ada1/st1.shtml>] (accessed: 10.12.2020) (in Russian).

Veselkova N., Vandyshev M., Pryamikova E. (2016). Diskurs prirody v molodykh gorodakh [Discourse of Nature in Young Cities]. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Sociological Review], 1(15): 112–133 (in Russian).

Vitmanas S.E. (2001) *Perekhodnyy period v sovremennoy Rossii (politicheskiy tranzit 90-kh gg.)* [The transition period in modern Russia (political transit of the 90s) Dissertation for the degree of candidate of political sciences]. Moscow (in Russian).

von Seth R. (2012) The language of the press in Soviet and post-Soviet Russia: Creation of the citizen role through newspaper discourse. *Journalism*, 13(1): 53–70 [<https://doi.org/10.1177/1464884911400844>] (accessed: 12.11.2020).

Vorobieva N.S. (2019) Kommunitas kak «sushchnostnoye My»: vozmozhnost' dialogicheskikh otnosheniy v obshchnosti [Communitas as an “essential We”: the possibility of dialogical relations in a community]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 31(4): 155–184 (in Russian).

Yasaveev I. (2010) Sotsial'nyye problemy i media: konstruksionistskoye prochteniye [Social problems and media: a constructionist reading]. LAP Lambert Academic Publishing (in Russian).

Zaslavskaya T.I. (2002) *Sotsiyetal'naya transformatsiya rossiyskogo obshchestva: deyatel'nostno-strukturnaya kontseptsiya* [Societal Transformation of Russian Society: Activity-Structural Concept]. Moscow: Business (in Russian).

Zaslavskaya T.I. (2004) *Sovremennoye rossiyskoye obshchestvo. Sotsial'nyy mekhanizm transformatsii* [Modern Russian society. Social mechanism of transformation]. Moscow: Business (in Russian).

Zaslavskaya T.I., Ryvkina R.V. (1991) *Sotsiologiya ekonomicheskoy zhizni: Ocherki teorii* [Sociology of Economic Life: Essays on Theory]. Novosibirsk: Science (in Russian).

Zudin A.Y. (2002) "Kul'tura imeyet znacheniyе": k predystorii Rossiyskogo tranzita ["Culture Matters": Towards the Prehistory of Russian Transit]. *Mir Rossii* [The Universe of Russia. Sociology. Ethnology], 3(11): 122–158 (in Russian).

Tamash P. (2005) Postperestroyka [Post-Perestroika]. *Mir peremen* [World of Changes], 4: 21–32 (in Russian).